

УДК 392.1
ББК 63.5 (241)
М – 91; X – 24

Мусаева Майсарат Камиловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, e-mail: majsarat@yandex.ru; т.: (8722)626634;

Хасбулатова Зулай Имрановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России историко-правового факультета Чеченского Государственного педагогического института, т.: 8(928)7874605

**ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА И ДАГЕСТАНА, СВЯЗАННЫЕ С БЕСПЛОДИЕМ**
(рецензирована)

На основе полевого этнографического и литературного материалов в статье показаны традиционные представления, поверья, обрядовый комплекс, сопровождавшие рациональные и иррациональные методы профилактики и борьбы с бесплодием у народов Северного Кавказа и Дагестана.

Ключевые слова: бездетность, бесплодие, порча, кара небесная, поклонение, святые места, комбинированное лечение, рациональное, иррациональное.

Musaeva Maysarat Kamilovna, a senior researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Candidate of History, e-mail: majsarat@yandex.ru; tel: (8722) 626634;

Khasbulatova Zulai Imranovna, assistant professor of the Department of the Russian History of the Historical and Legal Faculty of the Chechen State Pedagogical Institute, Candidate of History, tel.: 8 (928) 7874605

**TRADITIONAL CUSTOMS AND CEREMONIES OF THE PEOPLES OF
NORTHERN CAUCASUS AND DAGESTAN CONNECTED WITH BARRENNESS**
(Reviewed)

The article shows the traditional views, beliefs, ceremonies based on the field ethnographic and literary material that accompanied the rational and irrational methods of prevention and control of barrenness among the peoples of the North Caucasus and Daghestan.

Keywords: childlessness, barrenness, damage, heaven punishment, worship, holy sites, the combination treatment, rational, irrational.

В последние годы очень актуальной стала в сообществе этнографов тема, связанная с семейной обрядностью в целом, и с детским циклом в частности, поскольку многие традиционные обрядовые комплексы безвозвратно уходят из семейного быта. Многоступенчатому обрядовому комплексу детского цикла предшествовали и сегодня предшествуют определенные цепочки жизненно важных событий. Прежде всего, это «движение» девушки – женщины – будущей матери по горизонтальному пространству. В жизни женщины, это, пожалуй, самый сложный и долгий путь. При этом каждому пути соответствуют определенные действия и манипуляции: свадьба – ожидание и мольбы о детях – беременность и роды. Это движение женщины в пространстве к стабильной, спокойной жизни может прерваться при наличии сложностей в одной из важнейших цепочек – наступление беременности и роды. Уже свадебные обряды, изобиловали ритуалами, которые по народным представлениям, должны были способствовать приданию продуцирующих возможностей молодой семье [1].

Женщины, неспособные забеременеть или выносить детей, чувствовали себя в семье мужа весьма неуютно. В частности, менталитет, как женщины Дагестана, так и народов Северного Кавказа был таков, что она чувствовала себя полновластной хозяйкой в семье только после рождения первого ребенка и особенно мальчика.

Бесспорным можно считать факт, что отсутствие детей воздействовало на психологический климат семьи, взаимоотношения между супругами, и их близкими родственниками. В этой ситуации, несмотря на то, что виновник бесплодия не всегда был известен, вина перекладывалась на женщину. Женщины, как правило, за редким исключением, обречены были согласиться на развод или на привод второй жены (чаще у народов Дагестана, у чеченцев, ингушей, балкарцев). Например, у ногайцев существовали пословицы, содержание которых весьма красноречиво передает отношение к бесплодным женщинам: «*Юмыртка бермейген тавыкты азбарда сакламай*» (Курицу, не несущую яиц во дворе не держат), «*Бала таппаган пишеден бакылдайган эшкы ийги*» (Чем содержать не рожавшую жену, лучше держать блеющую козу). Подобные пословицы можно найти и у других народов, как в Дагестане, так и у народов Северного Кавказа.

У некоторых народов Дагестана и Северного Кавказа, отсутствие мальчика – продолжателя рода, часто так же приравнивалось к бездетности. В Дагестане полевые материалы свидетельствуют о том, что были случаи приведения в дом второй жены или горьких упреков в случае рождения первой женой более пяти девочек. Можно вспомнить и литературное произведение дагестанского писателя Ахмед-Хана Абубакара, легшее в основу популярного на Северном Кавказе в 60-е годы XX в. полнометражного художественного фильма киностудии «Ленфильм» – «Тучи покидают небо», сюжет которого связан с трагедией, произошедшей с семьей и женщиной, желавшей родить мужу именно мальчика. У чеченцев есть пословица: «*Клант ца хилча, тхов ца хьула*» (Не будет сына, не будет крова). Чеченские материалы свидетельствуют, что женщину, у которой рождались девочки, жалели. «*Пекъар, юха йоI йина боху*» (бедняжка, у нее опять девочки) – сочувствовали родные и близкие.

Нельзя сказать, что абсолютно не было бездетных пар, но это было скорее исключением, и, как правило, в случаях, когда действительно мужчина был виноват в отсутствии детей. Возможно, именно с перекладыванием вины за бездетность на женщину, связано то, что рациональные и иррациональные манипуляции, действия и лечебные приемы, якобы помогающие вернуть детородные функции, в основном предназначались только женщинам. Во всяком случае, не удалось обнаружить, чтобы мужчина обращался к знахарям с подобной просьбой, хотя у некоторых народов Северного Кавказа мужчины участвовали в определенных манипуляциях. Есть поверье относительно мельницы, на которой нельзя находиться мужчине, потому, что он станет бесплодным. В частности, у ингушей бездействующая мельница считается опасной ночью: человек, вошедший в нее, может серьезно заболеть и даже сойти с ума. Владелец мельницы с турбинной системой рискует оказаться без потомства [2]. Если проводить этнографические параллели относительно отношения к бездетности у народов Дагестана и народов Северного Кавказа, то можно констатировать – оно было абсолютно идентичным. Отсутствие детей рассматривали как наказание свыше. Бездетные люди считались самыми несчастными – за ними некому было присмотреть во время болезни, старости, все надежды их были направлены на жалость родственников и общественности. В частности, бездетность в карачаево-черкесском обществе считалась не только большим несчастьем, но и позором. Поэтому, как и у других народов Северного Кавказа и Дагестана, с самого зарождения семьи многочисленные магические действия были направлены на появление в ней здорового потомства [3].

Одним из важнейших моментов в жизни бездетной семьи считалось посещение женщиной различных «чудодейственных» мест и святых могил или других мест, которые якобы должны были изменить продуцирующую способность просительницы. Таких мест и в Дагестане, и на Северном Кавказе было множество. В частности, говорят в Дагестане, в аварском с. Ирганай в местности «Нахъхъа рохъоб» было место с дырой в земле, туда заходили, как бездетные с желанием зачать, так и беременные с желанием легко, без проблем разродиться. Такое же место было в аварских с. Бацлада – «Тамарал хоб» и с. Кегер (Гунибский район) было дерево для беременных. Даргинки Цудахарского общества с подобной целью посещали местность «Шейхла хваб» («Могила шейха»), находившуюся недалеко от старого Цудахара. Лачки с просьбой о рождении детей отправлялись на гору «Пабаклу», недалеко от с. Кули. Как там рассказывают, был реальный случай: некая Миси, которая долго не имела детей и мечтала именно о девочке, отправилась туда, и после соответствующих необходимых манипуляций, забрала, уходя, куклу, оставленную предыдущей просительницей, и у нее по истечении 9 месяцев родилась девочка. Бесплодные женщины искали исцеления и в посещении святых мест. Такими святыми местами являлись «*пирь*» – могилы святых, культ которых особенно был распространен у народов Южного Дагестана. Почитаемые могилы были весьма многочисленны, но среди них выделялись такие, которые почитались именно бесплодными женщинами. Как свидетельствуют старожилы, жительницы с. Юхари-Яраг, у которых не было детей,

отправлялись к могилам Магомеда Эфенди и Магомеда Ярахи. Там у пира росло огромное дерево с дуплом – отверстием. Через это дупло или под наклонившейся до земли веткой проходили женщины три раза, читая молитву – кьулгъу, 112 суру Корана [4]. Сведения о посещении бесплодными женщинами могил святых имеются и у Б. Буткевича. Так, бездетные женщины высокогорного с. Куруш, желая иметь детей, отправлялись в с. Ихир на могилу мюрида Ших Мулла Юсуфа и обходили ее три раза. Потом брали землю и, размешав с водой, пили. Жители с. Луткун проделывали то же самое, на горе «*Луткунский пир*», у могилы мюрида «*Пир*» [5].

У рутульцев очень действенным средством против бесплодия считалась процедура забивания гвоздя для подковы в деревянную дверь помещения, где находилась могила-зиярат (место поклонения, помонничества) Султана-Эмир-бабы в с. Мишлеш. Туда женщина отправлялась с мужем или другими родственниками. По прибытии к зиярату резали жертвенного барашка, варили его и, разделив на куски, раздавали с хлебом. После этой процедуры женщина сама забивала гвоздь, в упомянутую дверь [6].

Универсальным местом паломничества, с просьбой о придании продуцирующих способностей женщине, для всех народов, не только Южного Дагестана являлось кладбище «*Кьырхлер*» (Къыркъ-лар – сорок могил) в Дербенте, где похоронены 40 шахидов – мусульман погибших за веру. На этом кладбище и по сей день бездетные женщины, после некоторых манипуляций (жертвоприношений и молитв с просьбой даровать детей), пытаются раскатать большой камень, по форме напоминающий каменную колыбель. Считалось, что если «колыбель» качнется, то у женщины будет ребенок, если же нет, то и детей не будет (Сведения о Къыркълар имеются в частности у Б.М. Алимовой) [7].

Особенно почитались бесплодными женщинами пиры священной горы Шалбуз-Даг. Почти на его вершине находился знаменитый пир Сулеймана буба. Женщины, совершавшие туда паломничество, устраивали гадание, будет у них ребенок или нет: из ниток и платочка делали подобие люльки и ребенка, если люлька качалась сама по себе, то считалось, что у женщины родится ребенок, если не качалась – то ребенка не будет. На пирах святой горы Шалбуз-Даг, женщины, загадав желание, часто оставляли как надежду на рождение ребенка, самодельные тряпочные куклы.

На Шалбуз-Даге имелось место, напоминавшее туннель, у выхода из которого находились большие камни. По существующим поверьям, камни сжимались, если сквозь «туннель» проходил грешник, и оставались неподвижными, если проходил безгрешный человек.

Представления о больших камнях с естественными отверстиями, как имеющих магическую силу, которые часто служат для протаскивания сквозь отверстие больных, для излечения от бесплодия, широко были распространены на Кавказе [8]. Известно, что в позднем средневековье у вайнахов при завершении строительства на крыше боевых башен, башнеобразных склепов устанавливались, предварительно освященные жрецом, тщательно обработанные крупные конусовидные камни, которым приписывали

вались способность приносить изобилие хозяевам скота, плодородие земле и человеку [9]. В частности, этнограф Чах Ахриев отмечал, что такие известные святилища в Чечне и Ингушетии, как Галл-Ерды и Тхаба-Ерды, были известны с обрядами плодородия и деторождения. Не случайно чеченские женщины обращались сюда с просьбами о даровании им детей, как правило, сыновей [10]. У чеченцев очень часто женщины обращались к святым местам «*зихАрташ*» – могилам известных духовных представителей (несомненно, что «*зиярат*» у народов Дагестана и «*зихАрташ*» по сути одно и то же). Молиться у могилы «святого» вместе с женщиной, желающей родить ребенка, отправлялись наиболее набожные близкие родственницы. Они во время коллективных молений должны были дать обещание «святому», в случае рождения «вымоленного» ребенка, вернуться вновь с белым бараном, в качестве подарка, за выполнение просьбы. Естественно, что при положительном исходе, обещание выполнялось: белого барана резали у могилы, мясо и дополнительно щедрые подарки в виде платков и отрезков раздавали всем, кто принимал участие в молениях.

В отличие от народов Дагестана, народам Северного Кавказа в большей степени было характерно обращение к конкретным божествам, которые, по их представлениям отвечали за деторождение. Нагляднее всего это прослеживается на осетинских материалах. В частности, желающие зачать ребенка женщины-христианки Осетии в основном посещали святилище «Мады Майраэм» – Матери Марии, так как именно она считалась у них покровительницей деторождения,

Исследователи считают, что осетинский образ Святой Марии, генетически восходит к аланской богине домашнего очага, которой поклонялись женщины. В христианский период в трансформированном виде она выступает как «Мады Майраем» [11]. Предположение, что Майраем была в прошлом божеством мужского рода, слившимся с понятием христианской «Богоматери», – как считает Е.Г. Пчелина, лишено основания [12]. Очевидно одно – имя ее появляется под влиянием христианства, хотя сам образ от классического христианского образа Матери Марии.

Почти каждое селение Осетии имело святилище этой богини. Не имея определенной архитектуры, святилищем мог быть большой обломок скалы, камни, холмики, деревянные срубы. «Богоматерь обратилась в фетиш: около аулов, большой камень носит название «Мады. Майраем», – отмечал в свое время В. Ф. Миллер [13].

Иногда святилища являлись собственностью определенной фамилии. Часто женские или родовые святилища располагались при церкви или вблизи мужских святилищ. Особой популярностью пользовались святилища Зруджы Мады Майраем (Святая Зругская Мать Мария при Зругском храме XI – XII вв.), христианская церковь в Моздоке (Хозиты Майраем). По сей день популярны, восстановленные и обновленные Рекомы Мады Майраем (Святая Мать Мария) в Цейском ущелье, которые посещают даже зимой, несмотря на то, что подходы к ним, особенно к женскому и девичьему, довольно сложны.

Во время паломничества к святилищам, которые обычно совершались в конце лета, предпочтительно в августе, женщины, подползали к ним на коленях и

обращались к Мады Майраем. Те женщины, у которых не было детей, просили детей, у которых не было сыновей, просили сыновей, а у кого было много детей, просили, чтобы те не болели и выживали. После молитвы желательно было съесть немного травы, растущей около святилища, а на месте моления следовало оставить «мысайнаг» (приношение): завернутые в вату 15 копеек серебром, шелк, свечи. Сюда же, как правило, приносили белого жертвенного ягненка.

Аналогичным был обряд поклонения Зругской Матери Марии. Женщины, приходившие на молитву, просили: «Просим Тебя, мы пришли к подножию Твоему, не оставь нас без потомства, дай нам живучих детей». Оставленное на месте моления приношение заносяли внутрь мужчины, так как сами женщины в святилище не допускались.

Святилища Мады Майраем Рекома представляли собой, стоящие на грудах камней деревянные срубы кубической формы. Святилища отличались размерами – женское было больше девичьего. Каждое святилище имело квадратное отверстие, через которое молящиеся клали свои приношения. К обоим святилищам ходили женщины, желающие иметь детей. Внутри святилища находилось множество деревянных колыбелек, покрытых резьбой, пучков серебряных и золотых ниток, много человеческих фигурок и кукол, сделанных из ваты, обтянутых материей, просто кусков ваты. Вокруг святилища по периметру лежали, а на наружных стенах Рекомов висели, черепа животных, которых принесли во время обрядов поклонения в жертву.

У осетин местами поклонения бездетных служили и старые родовые дома, и обширные святилища, также носящие имя Матери Марии. По-видимому, это именно тот случай, когда «старые боги получали новые, христианские наименования, но их природа и связанные с ними культовые празднества и обряды еще долго оставались прежними и явственно просвечивали сквозь христианскую оболочку».

У них же существовал еще целый ряд святилищ, которые как считалось, покровительствовали женщинам, желавшим приобрести продуцирующие способности. С просьбой о даровании детей обращались и к духам-покровителям – «дзуарам», которые были в каждом ауле и назывались «хъэгужд» (ангел аула). Некоторые видели причину своего бесплодия в гневе духа-покровителя.

Х.В. Дзугев и Т.З. Бесаева, очень хорошо на конкретных примерах показали эти паломничества, как они пишут: «94-летняя Кайтова Чабахан рассказала нам, что у нее в течение трех лет замужества не было детей. Однажды еще затемно, она с мужем отправилась на сенокос. Когда они подошли к сельскому святилищу, муж снял с головы шапку и взмолился: «О табу тебе, ангел селения Цамат! Дай мне на следующий год к этому времени напарника (имеется в виду сына-помощника), так как я уже не в состоянии управляться один!». И на следующий год, по словам женщины, как раз в это время у них родился сын» [14]. Интересно, что у народов Дагестана только женщины выступают в роли просителей детей.

Покровителю деторождения посвящено также Фыры-Дзуар – святилище Барана, который особенно почитался в Даргавсе. Во время свадьбы шафер произносил молитву: «О Фыры Дзуар! Молим тебя, призри нас и сделай так, чтобы от невестки нашей рождались здоровые мальчики, тучные как бараны!» В. Ф. Миллер высказывал предположение, что культ этого дзуара исключительно женский и, что грубые глиняные изображения баранов, которые находили в капищах, были приношениями женщин Фыры-Дзуару, предназначенные для того, чтобы попросить детей [15].

Относительно этого культа Фыры-Дзуара у исследователей есть разные предположения. Но прежде всего, его рассматривают как основу древних сармато-аланских верований в божество-покровителя дома, которое было связано с фарном, олицетворяющим в осетинской традиции мир, счастье, обилие и изображавшимся в виде барана [16].

Исследователи отмечают, что в топонимии Осетии прослеживается еще несколько аналогичных святилищ, способствующих деторождению: «Цаэуы Дзуар» – «Козла святилище», «Галты Дзуар» – «Быков святилище», возникновение которых связывают с местной кавказской средой.

Как было отмечено выше, роль Фыры-Дзуара как «покровителя баранов или родотворной силы, размножающей стада», а затем ставшей покровителем деторождения, отмечается и у горных чеченцев Ч. Ахриевым. Он указывает на наличие такого же покровителя у галгаевцев, под названием «Гаи-Эрд», известного ранее как покровителя скота. Он пишет, что галгаевские женщины просили его о даровании им сыновей [17]. В этнографической науке наличие такого рода покровителей связывается также с культом животных, возникшим на стадии их одомашнивания [18].

Моления о ниспослании детей совершались женщинами практически всех народов Северного Кавказа регулярно, но особый характер они приобретали не только при затягивавшейся по времени неспособности зачать, но и при неспособности также выносить уже зачатого ребенка. Иллюстрацией таким обрядам служат ежегодные моления жительниц Ингушетии и Чечни покровительнице плодородия, деторождения Тушоли, которые описал Б. Далгат. В частности он приводит молитву:

«...Божье лицо, Тушол, дай нам благодать свою! Мы, почитая день, являемся к тебе. Сделай так, чтобы не родившие, родили детей, родившихся оставь в живых. Пошли нам обильный урожай. Пошли дождь масляный и солнце лекарственное» [19].

Известно, что археологические материалы подтверждают древность почитания Тушоли, как божества плодородия у ингушей и чеченцев [20]. Во время ночных молений в святилище Тушоли, располагавшемся в селении Кок Хамхинского общества Ингушетии, «желающие прихожанки в чаянии избавиться от бесплодия могли прикасаться грудью к идолу, который являл собой поясную фигурку божества с металлической пластинкой-личиной», – писал Е. Шиллинг [21].

Данный культовый объект имел напарника в лице выразительного каменного фаллоса *кобыл-кэры*. Последний располагался неподалеку от святилища Тушоли. Бесплодные женщины отбивали от каменного памятника кусочки и вешали их себе на шею. Во время устраивавшихся возле *кобыл-кэры* обрядовых действий «шестьдесят девушек и бездетных женщин катались верхом около камня» [22]. Исследователи называют подобные камни, наделенные магическими свойствами ктеическими памятниками. Использование камней в качестве объектов способных сообщить продуцирующие возможности женщине основывается по их предположениям, на древнейшем фаллическом культе, очень широко распространенного в пределах не только Северного, но и всего Кавказа [23].

Покровительницей материнства и детей, например, у карачаевцев и балкарцев, считается дочь верховного тюркского божества Тейри [24] (у тюркских народов Дагестана – божество Тенгри – прим. авторов), богиня Умай-бийче, которая была представлена их древними предками в образе двух тотемов – лебедя и оленихи. «Эти образы, – как отмечает И. Маремшаова – в особенности образ птицы, типичен для всех тюркских народов в качестве покровительницы матерей и детей» [25].

Помимо обращения к различным святым местам, бездетные женщины, как мусульманки, так и христианки, искали помощи у мусульманских религиозных деятелей – мулл, которые выписывали из Корана отдельные суры и аяты, советовали пить воду, предварительно бросив туда талисман и просить о рождении ребенка. Советовали также носить при себе подобные талисманы. Известно, что о чудесных исцелениях от бесплодия писали в начале XX века даже газеты. В частности, Х.В. Дзуцев и Т.З. Бесаева пишут, что: «в газете «Казбек» за 1902 год помещено сообщение о «волшебстве муллы, который объявился недалеко от селения Христиановского в Синдзикау. Мулла этот вылечил от бесплодия женщину, у которой в течение 8 – 9 лет замужества не было детей. Все «волшебство» муллы заключалось в том, что он, расспросив женщину, взял фыпг (треногий столик), проделал на нем некоторые действия с камнями, разбрасывая их по столу. После этого мулла посоветовал мужу «бесплодной женщины» поймать зайца и удода. Зайца и удода зарезали, кровь их смешали, и мулла заставил выпить по рюмке мужа и жену. Затем левый бок зайца съела жена, а правый – муж. Все это было выполнено и... через пять месяцев у «бездетных» родился сын. После этого популярность муллы стала очень велика» [26].

Часто бездетные женщины прибегали к помощи знахарок, методы лечения которых широко применялись почти у всех народов Северного Кавказа и Дагестана. Трудно назвать эти способы лечения бесплодия рациональными, но как отмечали информаторы, они основывались на народном опыте и включали в себя различные лечебные процедуры. Были и известные знахарки-повитухи, которым удавалось достичь значительных, как говорят, результатов, поскольку опытные повитухи хорошо знали искусство лечебного массажа. В частности, у народов Дагестана в некоторых обществах были женщины, которые умели якобы выпрямлять

путем внутреннего массажа загиб матки. Занимались этим опытные женщины – знахарки, как правило, они же и повивальные бабки Б.Р. Рагимова в своем исследовании описала процедуру «затягивания поясницы» («*юкь къахчувун*») у лезгин, применявшуюся в случае бесплодия у женщин: «Перед тем как приступить к этой болезненной процедуре, тело женщины распаривали с помощью трав. Затем больную клали на живот, на плечи ей накидывали толстую веревку, оба конца которой просовывали спереди между ног женщины. На спине просовывали через петлю и сильно затягивали в области поясницы. Знахарке помогала другая женщина, и обе они должны были тянуть концы веревки с силой в разные стороны до тех пор, пока женщина не закричит от боли. После процедуры затягивания на поясницу ставили большую глиняную банку – *цуб*. Минут через 15–20 женщина осторожно приподнималась, не наклоняясь. В течение трех дней она должна была лежать и ничего не делать, а в течение месяца не должна была выполнять тяжелую работу» [27]. Такую же процедуру, но обозначенную как «растягивание позвоночника», описывает в своей монографии М.Ш. Ризаханова, в ее рецепте, для усиления физической нагрузки при стягивании, используется скалка [28]. Массаж при различных патологиях, вызывавших бездетность, имели широкое бытование не только в Дагестане. В чеченском селе Автуры информатор рассказала, как она сама наблюдала вправление смещения живота. Женщина лежит на спине, слегка согнув ногу в коленях, изголовье при этом невысокое. Женщина «специалистка» нажимала пальцами пуповину и определяла, есть ли смещение. При правильном положении живот должен находиться сразу под пуповиной. Он может быть выше или ниже пуповины. В том и другом случае женщина бывает бесплодной и такое смещение очень трудно вправить. В случае смещения вправо или влево легко поставить на место с помощью массажа. Массаж делался круговыми движениями, смазанными маслом руками (как говорили: «*къулха а дьошаш къуг хьокху*» – читая аиты). При смещении живота массаж делался в сторону вправо, либо снизу вверх, либо сверху вниз. Затем на то место, где было смещение живота, клалась подушечка. У чеченцев, по полевым материалам применялся также «массаж» («*къуг хьакхар*», «*чо метла хлоттош*»), суть которого сводилась к беспорядочным манипуляциям в нижней части живота, после чего живот туго перевязывался. Во время такого «массажа» некоторым делалось дурно. Многие бездетные женщины народов Северного Кавказа ходили к знахарке, которая делала массаж, ставила горшки на брюшную полость [29] по такому же принципу, по какому ставят банки у народов Южного Дагестана, т.е. опытные повитухи пытались лечить бесплодие женщины массажем и прогреваниями.

В качестве комбинированного лечения (применения рациональных и иррациональных приемов) можно привести пример практически повсеместного (как у народов Дагестана, так и народов Северного Кавказа) использования для лечения бесплодия паровых ванн. Женщину сажали над емкостью, наполненной горячим отваром различных лечебных трав. Парового эффекта достигали и при помощи раскаленного красного кирпича, опущенного в воду с ароматными травами. В лечении

использовались и тампоны из конопляной пакли с медом. В частности, в Дагестане у ругул даже подготавливали женщину к распариванию: заворачивали в шкуру свежезарезанного барана и держали около суток. Они же использовали для лечения бесплодия специальный корень травы «четыре пальца» («*нюкут тили*»), который выкапывали, в чрезвычайно таинственной обстановке [30]. Для этой же цели – лечения от бесплодия, женщину окуривали дымом, сжигая нефть, отруби и красный кирпич. Поили отваром барбариса, боярышника, полевого щавеля, зверобоя.

Среди рациональных приемов помощи при бесплодии, как у народов Дагестана, так и народов Северного Кавказа следует назвать широкое использование горячих минеральных источников и грязей, если они имелись в досягаемой близости. На известных в Южном Дагестане и Кумыкской плоскости источниках в окрестностях Каякента, Талги, Ахты и др., высоко в горах – у бежтинцев, хваршин, тиндал – уже с древнейших времен сооружались водоемы из каменных плит, используемые в лечебных целях, нагревалась вода в огромных котлах, в том числе и для лечения женских болезней. Особенно популярны были лечебные процедуры с применением минеральных вод и грязей у народов Северного Кавказа, где в изобилии различные источники, в том числе горячие серные.

Рассматривая обычаи и обряды, проводимые у народов Дагестана и Северного Кавказа, для того, чтобы вернуть или придать женщине продуцирующие способности, спасти или излечить от бесплодия, избавить женщину и всю семью от бедствия, каковой считалась бездетность, проводя этнографические параллели, мы видим, что практически все многочисленные народы прибегали как к рациональным, так и иррациональным методам «лечения». Часто проводились манипуляции, которые сочетали в себе оба метода.

Следует отметить, что по традиционным представлениям всех народов (как Дагестана, так и Северного Кавказа) без исключения, бесплодие женщин рассматривалось двояко: и как болезнь, имевшая в своей основе патологические нарушения организма (в результате тяжелого физического труда, вследствие простудных и целого ряда других заболеваний), и как результат воздействия враждебных человеку сверхъестественных сил. Предполагалось, что новобрачной или молодой женщине, которая несколько лет тщетно пытается зачать ребенка, угрожает специфическая порча, которая может перейти к ней от другого человека или предмета, поразить ее и сделать бездетной. Магическое повреждение могло произойти в частности у новобрачной от бесплодной женщины, от человека, находившегося в соприкосновении с покойником. А потому старались не допустить, чтобы ее навестила бездетная женщина, нельзя было приходить к невесте сразу после похорон, чтобы не навлечь на нее «пустоту» покойного.

В целом, представления о причинах бесплодия рассматривались в трех направлениях – кара небесная, воздействие злых, чаще потусторонних сил, и осознанное или бессознательное воздействие человека (насылание порчи, сглаз) – соответственно, и подходы к их устранению были самые разные. Наиболее многочисленными действия-

ми молодых женщин и их родственников, были посещение женщиной известных святых могил или других «чудодейственных» мест, которые по народным поверьям должны были изменить продуцирующую способность просительницы. Независимо от того, куда отправлялись женщины, с просьбой о наделении их продуцирующими способностями, действия их были практически одинаковы: просительницы привязывали к дереву или древку на могиле «святых» или в другом святом месте, полоску ткани, оторванную от подола, и просили, предварительно помолившись, о рождении ребенка. Часто оставляли на месте поклонения различные приношения, в том числе специальные куклы, миниатюрные колыбельки. Иногда резали в святом месте жертвенное животное и раздавали мясо в своем селении, обычно нечетному количеству семей.

Надо отметить еще один важный общий момент, исследуемым народам было свойственно считать самым действенным, удачным временем проведения обрядов, предназначенных для придания молодым людям продуцирующих свойств, – начало весны, когда просыпается вся природа.

В качестве отличия можно отметить два момента: первый – народы Дагестана не имели специальных богинь и божеств – покровительниц деторождения, как у народов Северного Кавказа; второй – у дагестанцев мужчины (за исключением священнослужителей, которые писали различные талисманы-обереги) не принимали участия ни в молениях, ни в других манипуляциях, проводимых с целью избавления от бесплодия.

В целом же обряды, якобы способные придать продуцирующие возможности молодой семье, очень интересный архаический пласт бытовой и духовной жизни народов Дагестана и Северного Кавказа.

Литература:

1. Мусаева М.К.: 1) Обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, направленные на повышение репродуктивных возможностей семьи // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 2004-2005 гг.: тез. докл. СПб., 2005; 2). Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала, 2006. С. 18-20; 3) Хваршины. XIX – начало XX в.: историко-этногр. исслед. Махачкала, 1995. С. 99-100 ; 4) Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала, 2007. С. 31-32.

2. Мартиросян Г.К. Нагорная Ингушия // Известия Ингушского НИИ краеведения. Владикавказ, 1929. Т. 1. С.7-155.

3. Маремшаова И.И. Основы этнического сознания Карачаево-Балкарского народа. Минск, 2000. С.94 ; Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. С. 17-25 ; Ее же. Этнография детства народов Дагестана. С. 33-45 ; Хасбулатова З.И. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – начало XX вв.). М., 2007. С.62.

4. Рагимова Б.Р. Семейная обрядность лезгин (вторая половина XIX - нач. XX вв. М., 1991. 195 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 17.06.91, №44770.

5. Запись студента ЛГУ Буткевича Бронислава об участии в Дагестанской этнографической экспедиции // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.5. Оп.1. Д.49. Л.25.
6. Булатова А.Г. Рутульцы в XIX – начале XX вв.: историко-этнографическое исследование. М., 2003. С. 187.
7. Алимова Б.М. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием ребенка у кайтагских кумыков (конец XIX – нач. XX вв.) // Быт сельского населения Дагестана (XIX – нач. XX в. Махачкала, 1981. С. 60.
8. Чурсин Г.Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов // СМОМПК. Махачкала, 1929. Вып.46. С.212.
9. Чахкиев Д.Ю. Новые источники о культуре плодородия у вайнахов в прошлом // Краткое содержание докладов Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений 1992 г. СПб., 1993. С. 58.
10. Ахриев Ч. Заметки о Чечне и чеченцах // Сб. сведений о Терской области. Владикавказ, 1873. Вып.2, кн.2. С.252.
11. Дзуцев Х.В., Бесаева Т.З. Этнография детства у осетин. Владикавказ, 1994. Т.3. С.15.
12. Пчелина Е.Г. Родильные обычаи осетин // СЭ. 1937. № 4. С.87.
13. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М., 1883. Ч.2. С.252.
14. Дзуцев Х.В., Бесаева Т.З. Указ. соч. С.17.
15. Миллер В.Ф. Указ. соч. С.252.
16. Дзуцев Х.В., Бесаева Т.З. Указ. соч. С.18
17. Ахриев Ч. Заметки о Чечне и чеченцах... С.252.
18. Штернберг Л.Я. Первобытная религия. Л., 1936. С.380.
19. Далгат Б. Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. Владикавказ, 1893. С.101.
20. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг. Грозный, 1963. С. 40-137.
21. Шиллинг Е.М. Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР. М.; Л., 1931. Т.2. С.34.
22. Там же.
23. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001. С.157 – 159.
24. Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнерусских памятниках // Тюркологический сборник. М., 1981. С. 132.
25. Маремшаова И. Указ. соч. С. 96.
26. Дзуцев Х.В., Бесаева Т.З. Указ. соч. С.19.
27. Ризаханова М.Ш. Лезгины. XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2005. С. 166.
28. Рагимова Б.Р. Указ. соч. С. 100.
29. Гарданов К.С. О медицинской беспомощности горцев // Утро гор. Баку, 1910. С.72.

30. Булатова А.Г. Указ. соч. С.187.